Виктор Іванів

Попугайская царица

Подготовительные материалы к собранию сочинений Виктора Іваніва

Выпуск 5

Виктор Іванів
Попугайская царица

Москва 2024

Состав, подготовка текста
и комментарии
Алексей Дьячков

Дизайн
Кирилл Благодатских
и Анна Наумова

Іванів В. Попугайская царица.
М.: Коровакниги, 2024. — 62 с. —
(Подготовительные материалы
к собранию сочинений Виктора
Іваніва. Вып. 5)

ISBN 978-5-902945-39-0

© Виктор Іванів, наследники, 2024
© Коровакниги, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

7 ПОПУГАЙСКАЯ ЦАРИЦА

ДОПОЛНЕНИЕ

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ИЗ ПИСЕМ ДИНЕ ГАТИНОЙ

29 «обычно я играю словами в виселицу...»
30 «привет Дина...»
31 «все равно не будет побега...»
33 «Привет тебе от старых штиблет...»
34 «караулит сон...»

КОММЕНТАРИИ

35 О текстологии «Попугайской царицы»
55 О текстологии стихотворений из писем Дине Гатиной
59 Источники и принятые сокращения

1 Пиджак я вынул из шкафа, свой старый, голубого цвета пиджак на синей подкладке с надписью золотыми буквами на норвежском языке внутри, ношеный кем-то моего роста в славном городе Христиании еще десять лет тому назад. Вынул я его из шкафа и приготовился одеваться. Только стало светать в то январское утро. Напротив у ресторана «Садко» под голубыми поблекшими буквами виднелись елки. Воздух пузырился тонкими струйками. Всю ночь я пускал папиросный дым, синий и серый, с разных концов. Комнатка им пропиталась, стала казаться жилой, хотя до этого пустовала. На потолке на ножке стояла люстра, в оранжевом помутневшем диске которой отражалась моя кровать, а на ней спящая Яна, мой близнец, моя спящая царевна, моя принцесса на горошине, девочка, похожая на мальчика. В углу билась тонкая паутинка. Затон, Ч1, Г1: 1

2 Прошел месяц с тех пор, как я уехал отсюда, почистив зубы кремом для бритья. И теперь мысленно я был далеко, в большом городе, где другие женщины пели мне сладкими голосами и целовали меня в губы, где на столах одна за другой появлялись бутылки коньяка. Затон, Ч1, Г1: 2

3 А пока Яна спала под сине-зеленым, морской волны, шерстяным одеялом в красную полоску, которым я привык укрываться с самого детства, обязательно проверяя перед сном, не вывернуто ли оно наизнанку, красной стороной наружу, что могло сулить большие несчастья и даже смерть; пока Яна спала на оранжевом клетчатом пледе и сухих простынях, на острове моей кровати в той самой комнате, где мы с сестрой печатали фотографии и молчали, завешенные красно-черным одеялом, точно попугаи в клетке; в комнате этой начали проступать и проявляться предметы, сошедшие в мое отсутствие со своих мест, и начали петь канарейки, и начали синеться и отсвечивать бока глобуса, и зазвучала мелодия «Утро после Карнавала» из оперы «Черный Орфей» в исполнении Дж. Маллигана. Затон, Ч1, Г1: 3

Впервые публикуемый в настоящем издании текст первой редакции «Попугайской царицы» впоследствии был разобран автором на абзацы и/или более крупные фрагменты, использованные при монтаже двух других его произведений. Подробнее об этом в Комментариях, для удобства работы с которыми абзацы «Попугайской царицы» пронумерованы в поле слева, в правом же поле для каждого абзаца, кроме двух невостребованных, дана ссылка на его (или его деривата) место в повестях «Путешествие в город Антон Б., учителя балерин» (Антон) и/или «Город Затон. История о Третьем Человеке» (Затон). Другие сокращения, принятые в ссылках правого поля: Ч — часть с ее номером; Г — глава с ее номером; номер после двоеточия — порядковый номер абзаца внутри главы. — *Ред.*

Золоченые буквы показали корешки книг, другие чернелись. Из потайного ящика вытащил я мотки фотопленок, на которых люди в негативе показали негрские лица свои и белозубые улыбки. На снимках был виден старинный пикник, где тетя Галя танцует среди друзей и подруг. В руках моих оказался игрушечный жезл, найденная в детстве тяжелая серебристая трубка с круглым набалдашником. В руках моих оказался маленький стеклянный шар, в котором отражалась вся комната, но если поднести его к глазам, то видно было лишь одно бледное пятно размером с Луну. Мне захотелось принять царственную позу. Для этого вытащил я из пакета шапку, сделанную из газет, треуголку Наполеона, на лбу которой виднелась статья «Москве никогда не бывать Индией». Напялил на лоб я свою треуголку, сделанную мне в подарок Сергеем Андреевым в московском сумасшедшем доме на улице Потешной, взял в одну руку стеклянный шар, а в другую — железный жезл. Вооружившись этими предметами, начал я мысленно повелевать своим детством, начал я командовать своей юностью, ибо больше не было у меня солдат. Но и из этих солдатиков, с флажками и с острыми сабельками спрятавшимися позади слов, позади знакомых имен, облепивших, как пчелы, цветки мельчайших событий, бывших и не бывших, я построил себе армию и флот, и двинулся с ними в направлении потерянного гроша, в путешествие по тысяче знакомых лиц в поисках ослепившего меня однажды сходства. Не сходства даже, а зеркального, гадательного узнавания, которое завязывается на дне глаза, под болотным и сонным веком которого плавают, постукивая друг о друга, кубышки. Узнавания томительного и мнительного, которое хранят в себе старинные фотокарточки, выцветшие, потерявшие имена, глядя на которые уже не упомнишь родного лица. И за ради этого сходства, этого узнавания, и оказываемся мы на улицах города Винограда, близоруко всматриваясь в лица прохожих, подозревая, что нас окружают уже одни уроды да гадиббуки в женском, в мужском обличье, отдаленно похожие на мужчин и женщин, отдаленно напоминающие нам о нашей любви.

5 Я думал об Индии, которой не бывать Москве, и вспомнил стихотворение Слуцкого, в котором старухи хоронят мужей, селятся в пустые кварталы, где они о смерти болтают, и сидят сухие, скорбные точно индусы, и глядятся в пустые зеркала своими темными лицами, словно прокопченые темные абиссинские иконы с негритянскими Мадоннами и Младенцами. Вспомнил я и Индию глаз, в которую превратилась Москва. Я словно бы вынул стопу из вод темного подземного Ганга. Тысячи лиц, в которых проявлялся один Божественный лик, многократно запечатленное сходство, вылитое, как вылитое, копия Ты, проплывали перед моим разверстым взором. Передо мной вставали картины избиения в подземных переходах, картины царственных шествий, картины похорон, все, что мы видели с Диной и с Соколом во время наших недолгих прогулок. Все эти лица должны были мы запомнить, всех этих людей должны были мы поименно перечислить, чтобы потом по сигналу трубы поднять их на восстание мертвых, на восстание народов, которое повлекло бы падение всех земных царств, которое приготовило бы пути Господу, прямыми сделало бы стези Его. Антон, Ч2, Дурак: 19

1

6 Вот Валера-Мавр стоит под окнами Наташи Чумаковой, размахивая черным пистолетом и крича: я вижу мужскую тень в окне! Антон, Ч1, История Валеры Мавра: 3

7 Вот Игореха по прозвищу Человек-Палка точит нож, задумывая приколоть Умбера-старшего из-за Анечки Месхи, а может быть, уже не из-за Анечки Месхи, о которой он забывает за подготовкой этого страшного убийства, а так, от тоски и жары. Антон, Ч1, История Человека-Палки

8 Вот они, Человек-Палка и Кузя-Орангутанг, выходят из тополевой аллеи в парк, и Кузя начинает бежать, выкатив бельма, поднимая лилию, от которой пахнет трупом, над головой, и приплясывает своими короткими ногами, выказывая в этом беге и в этой пляске больше женственности, чем есть во всей 5-й женской гимназии, он бежит и пляшет, но все равно меньше напоминает циркового атлета, чем

матрону, несмотря на все свои могучие и блестящие бицепсы. Человек-Палка отстает и начинает свистеть. Кузя никогда не подарит этой лилии Ж., что живет недалеко от мечети.

9 Валера-Мавр и Кузя-Орангутанг встречаются в Центральном парке, под чертовым колесом. На Валере черная майка, показывающая мускулы. Ночью Валера работает в морге, а днем фланирует по парку, высматривая молодых девушек. Он называет меня реликтовым мальчиком. — Антон, Ч1, История Валеры Мавра: 1

10 На поминках по матери Человека-Палки все пьют водку, а Валера-Мавр рассказывает анекдот о том, как он сидел в тюрьме в Эмиратах, а на соседней с ним койке находился араб, который постоянно дрочился. — Антон, Ч1, История Валеры Мавра: 2

11 Умбер-младший ищет нож, чтобы зарезать Филиппа Красивого, который увел умберову любовь Наташу, в обыкновенном своем состоянии — лесбиянку, пока Умбер спал, одурманенный винными парами, на деревянной скамейке. Умберу представляются подъезды, арки, подворотни, в которых темно, хоть глаз выколи, и не видно блеска ножа. — Антон, Ч1, История Умбера Младшего

2

12 Яна проснулась, мы идем в книжную лавку, где я ищу книгу с засушенным цветком внутри, а нахожу фиолетовый русско-турецкий разговорник, где одни приказания для мальчиков, что чистят сапоги. Свист нагайки слышен при перелистывании страниц этой книжицы, поэтому мы покупаем старинную открытку с тремя смуглыми танцовщицами, и уходим. — Затон, Ч1, Г1: 4

13 Я одет во все синее, в мой голубой пиджак и пальто, как у Д. Я стараюсь вести себя, как Д., во всем ему подражать. Когда я был у Д., мне показалось, сходство его и девушки Н., которую я любил, ослепило меня. Д. был гомосексуалистом, а я нет. Хотя я и разделся перед ним, а он подавал мне пальто. Д. был очень рассудителен, когда провожал меня домой. Я стараюсь во всем ему подражать, когда веду Яну по улицам города, где синие номера домов ярки, несмотря на метель. — Затон, Ч1, Г1: 5

14 Подражание Д. вскоре приводит меня на койку в тети Галиной квартире. Родственники в белых балахонах ходят вокруг меня, как облака. Утро застает их за кипячением шприцов. Меня окружает мебель из красного дерева, полная китайской посуды, различных статуэток и кулинарных книг. Пепельница в виде сфинкса чернеет и поблескивает золотыми вкраплениями. Дон-Кихот на одной ножке смотрит в бронзовую книгу, Самсон раздирает львиную пасть. Лампа бросает купол света на фарфоровую статуэтку — гимнастка запрокидывая головку, держит на вытянутой руке белый мяч — тень ее на стене напоминает черное, покосившееся на бок Распятие. Затон, Ч1, Г1: 6

15 Из соседней комнаты доносится шум. Там собралась толпа зевак, прибывших поглазеть на меня, их впускают по одному. Я никого не узнаю, но всем киваю. Я начинаю путать имена. В старом альпинисте дяде Льве я узнаю двух московских врачей, большого и маленького. Один ставит мне диагноз, а другой смазывает йодом мою воспаленную язвами ногу, и отрывает щипцами коричневый кожный покров. Затон, Ч1, Г1: 7

16 Я пью чай из оранжевой коробки с изображением индуистского храма. На ней мужчины в чалмах и женщины с голой грудью, похожие на мужчин, разъезжают на синем слоне. Я курю сигареты «Прима Ностальгия» из двух пачек, с портретами Ленина и Сталина. В первой пачке табак с привкусом йода, камфары и бинтов, во второй — с привкусом мертвой травы. Родственники выглядывают из-за импровизированных ширм, это мама и тетя. Ночью они по очереди спят со мной валетом. Точно на носилках паланкина несут меня, освящая дорогу белым больничным фонариком. Днем я читаю книжку «Птицы наших лесов», где дан календарь пения птиц на каждый месяц и на каждый утренний час. Затон, Ч1, Г1: 8

17 Все началось с того, что я играл в «жаркие страны». Дина сказала, что, чтобы там оказаться, надо залезть в пододеяльник и не дышать. Еще можно поиграть в «аттракционы» — для этого нужно забраться на чертово колесо. Оно и так будто стоит на месте, но кажется, все время замедляет ход. Сверху видны белые самолеты городского аэропор- Затон, Ч1, Г1: 9

та, видно кладбище, видна река, виден замок Мелькомбината. Весь город лежит как на ладони, а ты, как лилипут, сидишь в кулаке Гулливера. Город переворачивается на спину и храпит. Он подчинен медленному укачиванию чертова колеса, каждую секунду он просыпается, как человек, что держит в руке стакан, который дробится на десять стаканов, и обводит комнату, освещенную одной лампочкой накаливания, которая раскачивается, как десять лампочек, и находит вокруг себя все те же предметы: стол, стул и чайник, улицу с фонарями. Каждый день он выходит на эту улицу, чтобы встречать у столба, на автобусной остановке, под вывеской «Манты» своих знакомых.

3

18 Узбек-каннибал вожделел к юношам. Он поджидал их по вечерам на неосвещенных улицах, когда они возвращались домой, чтобы потом крутить их мясо на мясорубке, а затем лепить манты, вкуснейшие манты, которые потом никто не мог отличить от настоящих.

Антон, Ч1, История об узбеке-каннибале

19 Я одет во все синее, в мой голубой пиджак, синюю рубашку и черные брюки. Только дураки смеют называть мой пиджак пидорским. Я не пидор. Я вынужден повторять это про себя, чтобы не забыть. Но я нравлюсь мужчинам.

20 Н. Сипаев флиртовал со мной. Он рассказывал мне о Маринетти и дуче, декламировал стихи «Мой грустный грех прости мне, Гриша» и «Мой фюрер».

Антон, Ч1, К парикмахеру: 9

21 Он говорил о грусти Верлена. Он звал меня к татуировщику, чтобы нанести портреты Рембо и Верлена на свои ягодицы. Он выступал в спектакле, где голым выбегал на сцену.

Антон, Ч1, К парикмахеру: 9

22 Раньше я думал, что Плашка — это курс по математике, такой был у нас в школе. Потом оказалось, что Плашка — это место на площади, за Оперным театром, где по ночам собираются педики. Там Н. Сипаев выебал китайца, который при этом еще и обосрался.

Антон, Ч1, К парикмахеру: 9

23 Гомосексуалисты в нашем городе, по крайней мере, те, кто знают о себе, живут в состоянии постоянного промис-

Антон, Ч1, К парикмахеру: 10

куитета. Блуждая по знакомому кругу, они живут также в состоянии постоянной измены.

24 Мне показывали одного из них — это был страшный седой человек с огненным взором. На нем было кожаное пальто, что делало его похожим на ковбойца. Он так посмотрел на меня, что с лица моего сошли все гримасы, и мне захотелось убежать.

Антон, Ч1, Огненный пидар

25 Мне когда-то сказали, что Лях, де, собирается меня изнасиловать. Он был страшен, этот Лях: хромой, горбатый, голову втягивал в плечи. Серые глаза его зияли над сломанным носом. Он был, по моему тогдашнему мнению, одним из главных фашистов, мне всюду мерещился его глухой голос. Он сильно картавил, он почти мычал, как будто ему отняли язык. Неделю я жил в неописуемом страхе. После чего состоялось наше знакомство. Лях оказался совсем мирным, спокойным. Правда, девушки его боялись. Это было перед Новым годом, он звал меня посетить выставку творчества сумасшедших в одной из городских больниц.

Антон, Ч1, История о Ляхе

4

26 Однажды я поехал в летний лагерь одной из христианских церквей. Там собралось множество проповедников со всего света. Перед детьми и подростками, вставшими в кружок, исповедывались они в своих прегрешениях, рассказывали о своей прежней жизни во грехе и о своем обращении. Были среди них два американских наркомана-металлиста Энди и Том, австралиец Джордж в черной пасторской шляпе, китаянка Ютри и немка Яница, в прошлом, видимо также великая грешница. Все вместе пели песню «Царь царей, Господь, Господь, слава, аллилуйя!» Под большой сосной только что было найдено змеиное гнездо, так что все мы славили Бога за наше спасение от сих гадов. Вдруг с противоположной стороны раздалось дикое завывание. Мы обратили взоры свои туда, где под кустом сидел человек в синих плавках с длинными и тонкими волосами и рвал струны. Я сумел разобрать слова: «I don`t believe in Bible». Позже я узнал, что песню напи-

Антон, Ч1, История о Леше Чорт-Нильском

сал Джон Леннон, называется она «God». Исполнителем же был Леша Чорт-Нильский, и через некоторое время я с ним познакомился.

27 Дина плавала в Волге около Самары, и чуть не потеряла панамку, когда услышала над собой гудок парохода, который прошел в сантиметрах. Она плавала, как маленькая голубка, как камышинка, и этот гудок доносится до меня, как дудочка Маленького Мука, которой он сзывал всех на праздник.

Антон, Ч1, Купание Дины

28 Вчера во сне я катался верхом на черте. Это был господин в черном костюме, невысокого роста, похожий на школьника-второгодника. Сначала мы полетели на кладбище, где нашли две могилы моей бабушки, одну в сумеречной тени и узловатых корнях, а другую — через дорогу — всю в осенних листьях в убывающем солнечном свете августа. Оттуда мы полетели к морю.

Антон, Ч1, История о Черте

29 У Леши Чорт-Нильского была комната тридцати трех удовольствий. Так назывался спортзал, где его запирали. Тринадцать матов лежали в углу, на них взбирался Леша. Он начинал дико скакать, подпрыгивать до потолка, дергаться и кривляться, и вопить, взывая к небу. Потом Леша катался по полу. Когда дверь отпирали, он сидел посредине комнаты спокойный и глядел в одну точку, не реагируя на окружающих.

Антон, Ч1, Продолжение истории о Леше Чорт-Нильском: 1

30 Проходя по коридору института, Человек-Палка вдруг услышал страшные крики, в которых чутким ухом он уловил матерщину. В коридоре был весь преподавательский состав и студенты, а точнее студентки. Человек-Палка хотел было уже вызывать бригаду, но ему объяснили, что это поет Леша Чорт-Нильский. Там фигурировали такие слова: «Лосиха дня везет меня, раба божьего, РАБА БОЖЬЕГО, РАБА БОЖЬЕГО».

Антон, Ч1, Продолжение истории о Леше Чорт-Нильском: 2

31 Леша Чорт-Нильский пел и рычал очень высоким голосом, детским и старческим одновременно. Разговаривать же он не умел: не доносил гласных, сглатывал согласные, шепелявил. Это был птичий, птичий язык. Леша рано состарился: волосы у него выпали, показалась лысина, он очень стал напоминать Ленина. Медленным шагом двигался он

Антон, Ч1, Продолжение истории о Леше Чорт-Нильском: 3

по улице в своем огромном пальто с башлыком, подавая при встрече свою маленькую детскую руку. Этот человек мог полностью парализовать ваше внимание своим пением, да и простым разговором. Он действовал, как заклинатель, погружая вас в глубокий сон, вызывал частичную потерю памяти, и вам хотелось то плакать, то смеяться.

32 Лешу попросили сочинить блатную песню. В моей памяти сохранились лишь первые две строки: «И были дни такие голубые, как тот зека, что спит с тобой».

Антон, Ч1, Продолжение истории о Леше Чорт-Нильском: 4

33 Однажды в летнем лагере для молодых ученых Леша решил познакомиться с девушкой (а он буквально набрасывался на девушек). Та, видимо для того, чтоб над ним надсмеяться, назвалась Дульсинеей. Леше нечего было прибавить, кроме того, что у него диссер по Пушкину.

Антон, Ч1, Продолжение истории о Леше Чорт-Нильском: 5

34 В тот самый зимний день я встретил его на улице, и он сообщил мне, что преподает русскую литературу в институте для слабоговорящих.

Антон, Ч1, Продолжение истории о Леше Чорт-Нильском: 6

35 С тех пор, говорят, он перебрался работать в Большую библиотеку, где работает вместе с грузином Камикадзе, толстячком-доброхотом Потсдамским, пышной Огненной женщиной, маленькой карлицей, хромоножкой, и двумя замечательными бородачами.

Антон, Ч1, Продолжение истории о Леше Чорт-Нильском: 7

5

36 Однажды группа людей в составе сына клоуна, короткого Лысяка, человека по прозвищу Кистень и вашего покорного слуги вышла из магазина «Лузитания» и, не пройдя и два шага, захотела выпить синей воды. После того, как пузырь был взят, мы расположились у бордюрчика на другой стороне улицы, в небольшом углублении. Сын клоуна сразу начал свои клоунские штуки, стал просить померить мою шляпу, строить рожи, давать мне подзатыльники, повторять понимающе «раз не пидорас». Лысяк сказал, что не надо стрематься шляпы, что однажды он шел по улице в огромном сомбреро, а все проходящие принимали его за сутера. Вдруг из кустов выпрыгнул человек. Он попросил сперва выпить, а потом закурить. На вопрос, когда он от-

Антон, Ч1, Решка и метро: 1–13

крылся, он отвечал, что второй день в отпуске. Он назвался Серегой. Сын клоуна попытался выяснить у него, где на той тюрьме решка, а где метро, но Серега сказал, что у него в кармане пика, и что он идет валить человека в парке. Человека, который ебет его жену. Жена его, Серегу, любит, а дочь его не узнает. Он едва держался на ногах, но все время грозил достать пику. Подошел ко мне и спел мне на ухо свою песню, попердывая: тум-цаца, тум-цаца, тум-цаца. Потом проблевался. Сын клоуна хотел было его вязать, но Серега убежал. В парке в этот час милицейская машина ходит кругами. После того, как Серега убежал валить человека, сын клоуна продолжил свои клоунские штуки и заявил мне, что меня покупает. Я ответил, что перекуплю всю его клоунскую семью на семь поколений вперед. Тогда сын клоуна сказал мне, что он Близнец, а потому человек обманчивый и мстивый, и ничего не забывает. И точно, улучив момент, сдавил мне голову так, что я не мог пошевелиться. Делать нечего, пришлось отречься от своих слов.

37 В магазине «Лузитания» был постоянный сглаз. Если ты был продавец, то чувствовал это всем телом. Все потихоньку друг за другом наблюдали, но так, словно надавливая, брали на карандаш. В развешенных телевизорах шла демонстрация новых кинолент. Если ты был продавец, тебя должно было быть не видно, но ты должен был появиться всегда в нужном месте, чтобы подсечь клиента, а потом обмануть его, глядя прямо в глаза. Все кассеты должны были стоять ровненько, не дай бог среди них затесаться «пьяной», которая валит на бок весь ряд. За это не били палкой по рукам, а просто, понаблюдав, увольняли. Об этом мне рассказал Эриван, продавец, и я проклял его за слежку и дедовщину. Уже после того, как меня выгнали, я узнал, что Эриван погиб под машиной. Он пролежал в коме два месяца, специальный аппарат подавал воздух в легкие. Скоро родственники не смогли больше платить. Последняя фраза, которую он произнес в сознании, на руках Кистеня, была: «Теперь меня точно уволят». Потом уволили Лысяка, потом уволили Кистеня, потом магазин «Лузитания» закрылся.

Затон, Ч1, Г2: 5

38 Эриван приснился мне в виде татуировщика, сидящего в подводной комнате. Он был смугол и красив лицом. Он предложил поставить мне на тело свой знак в виде синей змейки, обвивающей чашу с ядом, какой можно было прежде встретить в аптеках. Я испугался и всплыл на поверхность. Затон, Ч1, Г2: 6

6

39 Изредка мы отправлялись с Человеком-Палкой на прогулку. Путь наш лежал обычно по улице Фабричной, идущей вдоль железнодорожного полотна. Там можно встретить следы причудливой архитектуры конца прошлого века: высохшие на ветру башни, домики в итальянском вкусе, обшарпанные, с венецианскими окошками на высоте щиколотки, с балкончиками, на которых трепыхаются бюстгальтеры. Спуски ведут к воде, там, по словам Человека-Палки, могут вас посадить на пику. Там же, в зеленом домике, находится наркологический диспансер. В нем алкоголики садятся в кружок и рассказывают о том, как избавились от зависимости. В окрестных домах идет буйная подготовка к диспансеру путем пьянства и мордобития. Фабричная перетекает во Владимировскую, на повороте, скрытая тополевой аллеей, находится Психиатрическая больница. В Больнице несколько ворот. Вход туда свободный. Затон, Ч1, Г1: 10

40 Корпуса больницы представляют собой бывшие царские казармы. Кирпич их словно обмазан жиром, пропитан кровью, как после бритья головы с мылом. Сквозь двойные окна видны тени людей. На скамейках тихо, воздух не колышется, здания стоят глухие, в них идет плотная и скрупулезная работа. В этот раз Человек-Палка заводит беседу о книге, где все сказано о моих танцах нагишом. Сейчас мы сидим на синей скамейке, непроявленные никем, нас беспокоят только пациенты, вышедшие на прогулку, просьбами дать закурить. Хотя в свое время по просьбе врача один из нас нарисовал выходца с того света с чемоданом в руке, а другой — неведомое животное. Санитаров набира- Затон, Ч1, Г1: 11

ют обычно из числа бывших пациентов. У входа мы встречаем человека, похожего на гриб, на нем панамка и фиолетовая рубашка. Я принимаю его за одного из больных. Но Человек-Палка, указав на чемоданчик в руке, узнает в нем мировое светило науки, начальника над всеми сумасшедшими области, Цезаря Петровича Короленко. Мы выходим по Владимировскому спуску на площадь вокзала. Здесь еще некоторое время назад можно было наблюдать пляску бомжей в сопровождении бомжеских же оркестриков. Теперь музыки не слышно, все тихо, спешат люди с чемоданами, и электронное табло показывает время, температуру и атмосферное давление. Здесь мы расстаемся с Человеком-Палкой.

41 Один человек, еще будучи ребенком, в полуденное летнее время, когда все дети разъезжались на каникулы, любил, постелив газету, ложиться в прохладную земляную канаву, чтобы там читать разные книжки.

Антон, Ч1, История о человеке, который лежал в канаве и в ящике: 1

42 Уже будучи юношей случилось ему лежать в ящике, куда его спрятала возлюбленная, над ним же бегали убийцы с пистолетами, подосланные ее отцом, но так никого и не нашли.

Антон, Ч1, История о человеке, который лежал в канаве и в ящике: 2

7

43 Некогда появился в городке молоточник. Идет, бывало, человек по лесу, как вдруг из кустов выпрыгивает молоточник и бьет его до смерти молотком в лоб или по затылку. Никто его и не видел толком. Рассказывали, что это был сошедший с ума ученый. Дети страшно его боялись. Тогда еще шел фильм «Воры средь бела дня». Как-то молоточник и эти воры соединились в испуганном детском сознании. Было страшно выходить на улицу, а оставаться одному в квартире еще страшней. На спортплощадке тогда были вырыты рвы и размером с могилу окоп. Мы, дети, часто там играли в войну. Однажды играли мы так, пока не прибежал Андрейка и не закричал: «Молоточник, шухер!». Мы бежали, оставив поле битвы свободным. Говорят, что потом молоточник был пойман, а, может быть, просто ис-

Антон, Ч1, История о молоточнике

чез. Затем появился второй, как в истории о самозванце, но он тоже то ли исчез, то ли был пойман.

44 Ява жил в лампе с зеркальцем на цоколе — не в лампе, в торшере. В паруснике простыней. Ява — Эфиопская Эвридика, живет на девятом этаже в доме номер 78 по улице Иванова. Его бабушка, которую я вспоминаю только как хозяйку Тома и Джерри, она видна мне из памяти по колено с халатом, шерстяными колготками и тапочками, стала забывать слова и ушла из дому. Одно окно Явиной гостиной забито клетчатым детсадовским одеялом цвета сваренного чифиря. В темном, как одр Маяковского, саркофаге живет Ява. Высоченные его книжные шкафы заимствованы из лавки гробовщика. В них живут целлулоидные, гашеные одеколоном книги, чтобы уберечься от серебристой моли и планктона. В зеркальце на цоколе отражается виселица с белой грудки черного кота.

Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 1–3

45 Нашей любимой песней была рамаллах — из цыганской жизни. Ява похож на Рембо, стоящего на аденском подвесном мостике. Из балконной двери открывается вид на вокзал в Адлере с огромными часами. Ява — метис кавказца, цыгана, арапа. Он изучает одну санскритскую книгу, где ищет выпавшую ижицу, эту буквицу, которая, как правда, глаза колет. Он ищет ее, как иголку в верблюжьем ушке, в потемках своей опиумной квартиры, где все столы квадратные и не летают. Все, что видит Ява — это распылительная пыль, клубящаяся в свету голубого экрана, дающая взгляду различные фигуры и их тени: два корабля, сияющий крейсер и пятипальмовой регаты цифирь, покоящуюся, как на ладони, в самом сердечке живого циклона.

Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 4–5

46 Ява — гадатель на Таро, он гадал мне, точно следуя инструкции (которая прилагалась в комплекте) дважды: выпали карты Дурак, Человек с золотыми чашами на берегу моря — мот, скряга, понтифик, шестерка мечей, перевернутый маг, колесо фортуны, отшельник и смерть, перевернутые также.

Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 6

47 Я — соринка в его глазу, он — бельмо в моем. Ява — Энглиз, он говорит, что нужно нести бремя белого человека. Он носит доху, баранью шапку, круглый год сандалии, пид-

Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 7

жак с искоркой в звездочку синий. Его глаза полны кремня. Когда он проходит по почве клумб, корни цветов начинают тлеть, и тогда он поднимает голову и смотрит на облака, и звезды падают, как слезы, в его темное конское око. Он смугол, как и демон Плодородия, как и Филипп Красивый. Я — имярек и есть та пропавшая ижица, которую он ищет.

48 Вспоминаю прогулку по украинским гривнам, которую мы совершили поздней майской весной, когда сильно пестрилась краска домов, когда Господь вытер нам глаза чайной ваткой, прогнав глаукому и конъюнктивит, когда словно раскрылась небесная ширма, побелела сковородка, и открылся малоросский вертеп, один небесный кіев, и поливальные машины оросили киоск, озираясь от божьей росы.

Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 8

49 Ява едет на быке, обезьяне — Суматре и Калимантане — на индийском слоне, совокупляющимся со слоном африканским, он моет сапоги в Индийском океане, а спать укладывается в Джамму, где видит прекраснейшую турецкую мечеть, и просыпается, как Иоанн Дамаскин, не узнавший в себе багдадского хашишиеда. Ява пьет заварку, разбавленную водой из-под крана, и носит галстук при поднятом крахмальном воротничке манишки. Одна беда — он не знает пословицы, что на всякий роток не накинешь платок.

Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 9–10

50 Мы с тобой одной крови, как Кинешма и Винница, повторяю я. Ява нагадал мне близняшку Аню Идельс и тебя, Дина. Дым его курительной трубки вьется, как винтовая лестница. Он рассказывал, что в Тобосской больнице к нему подошла сумасшедшая и стала ломающимся голосом и на ломаном языке выпрашивать папироску. Джек Потрошитель не трогал сумасшедших. Ява двойник реки По. Он получил свое имя после того, как неделю пробыл солдатом в яванском зверинце в январе, когда все зверки психушки катались на дверцах вахтенных склянок, щебеча и картавя, а ангелы-врачи теряли и считали часы.

Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 11–12

8

51 На носилках несут меня мама и тетя, под куполом простыней. Я даже не пытаюсь выглянуть наружу из белой камор-

Затон, Ч1, Г1: 12

ки: там смерть повсюду, страшные рожи толпы, сквозь которую идут они, страшные дядьки, бешеные собаки, столбнячные царапины, воздушные инфлюэнцы, бутылки вина и женщины, порочные женщины. Усердно трудятся два маленьких бойца, мама с тетей, несут они меня тяжелого, а вопрос «куда?» обходят молчанием. Они кормят меня вкусной едой и молочным снотворным. На кладбище несут они меня, ногтями будут рыть землю, а тайну моей могилы проглотят, как черную жабу.

52 Беременными хотят они стать, два маленьких бойца, что держат меня на штыках. Принимая вид инкубов, совокупиться со мною хотят. Водить заставить в жмурки свои хотят, по кругу танцевать вальс, что танцевали наши бабки после войны в Доме Офицеров. Затон, Ч1, Г1: 13

53 Я был сыном инженерши Ивановой, изнеженным с детства ребенком. Помню, мама водила меня в молочное кафе — маленькую комнату в большом доме, неизвестном теперь. В комнате были прохлада и полумрак, и в маленьких вазах мороженое и молочный коктейль. В сфокусированном витриной луче кружилась пыль. Мы молчали в этом долгом кормлении. Становились восковыми на солнце, а между нами и предметами окружающими пробивались небольшие белые пробелы. Кормление делало нас совершенно отдельными от вещей, убаюканными течением соков внутри. Затон, Ч1, Г1: 14

54 Давно когда-то мы были в отдаленном курорте-санатории за городом, в Мочище. Дома там кажутся мне теперь монастырями. Не помню уже, как умывался, не помню простыней. Помню только долгое время, большое, как остров Кораблик, куда мы также плавали пароходом. Не помню сонма детей и воспитателя в чалме, изображавшего индуса, высокого посреди толпы, его можно видеть на фотографии. Но у фотографии нету обратной стороны. Затон, Ч1, Г1: 15

55 Я вспоминаю, и не могу вспомнить, взгляд словно блуждает по блестящей на солнце паутине, теряется в ней, пока не упирается в мертвую муху. Знакомая фигурка мальчика все время отодвигается, прячется под стол. Под столом мы с сестрой строили шалаш, занавешивались одея- Затон, Ч1, Г1: 16

лом, играли в дом. Мальчик этот — уже не я, но мне кажется, что он существует, что его можно изобразить в аллегории возрастов. Он показывает пальчик, и нельзя не засмеяться, зная, что кто засмеется, тот дурак. Он постепенно убывает во мне, как какая-то луна. Зато растет что-то иное, и поднятая планка старости сопротивляется прыжку и смеется над падением.

56 Тетя напротив предлагала более аскетическую и спартанскую методу воспитания: мне дарили инструменты, лобзик, выжигатель, надо было заниматься физкультурой, и я ходил на классическую и вольную борьбу, легкую атлетику, учился плавать. Увлечения быстро проходили, как головокружение после кувырков на матах. Тетя осуществляла, прокладывала мужскую линию, мужской шов в подкладке моей одежды. Меня учили завязывать галстук, штопать носки и гладить брюки. Вещи увертывались от меня, мне не давалась наука обращаться с ними. Затон, Ч1, Г1: 17

9

57 Однажды снилось мне, что я пророк Магомет, плененный армией индийских обезьян. А было дело то в Великий пост. Помню, понесли мы утром куличи в церковь. Вышел поп освятить. Взмахивал веничком. В воздухе билась струйная жилка, все предметы днем поблескивали, точно бисерные. Сон до конца не прошел. На церковном дворе стало казаться мне, что растут у меня ослиные уши, и я нервный от этого стал. Дергал Януса за ручку, говорил, хочу покурить. Люди в тот день казались мне плоскими картонными картинками, которые другие люди переставляют с места на место. Крашеными. Затон, Ч1, Г3: 1
Антон, Ч1, История о пророке Магомете: 1

58 Пришли мы вечером того дня в комнату, где все уставлено разными ширмами, одна мексиканская, вторая индийская, третья в греческом духе. За ними обычно переодевалась женщина. О ней все время думал Кузя-Орангутанг. Чудилось ему, что когда она смотрится в зеркало в той комнате, у ней волосы становятся все в крови. В комнате был сумрак. И здесь проступала пасха, все слова забыва- Затон, Ч1, Г3: 2

лись, но не так, что их кто-то пытался подобрать, нет, предметы их полностью собой загораживали. Тогда Кузя-Орангутанг садился на диван и начинал читать книгу о людях сороковых годов. Здесь он замолкал, здесь слезы его пропадали, здесь на лице сами появлялись его голоса, вожделение и сама смерть здесь умирали. Здесь уже не было ничего, кроме пасхальной комнаты, где в полумраке за ширмами висели ее одежды.

59 Кузя рассказывал, что любил он трижды, и каждый раз в определенное время года. В первый раз это было весной, когда все разламывается, точно хлеб, но есть его нельзя, несмотря на мучительный голод. Предмет его любви увлекалась в то время христианским богословием и читала Святых отцов. Он же был поклонником хэви-метала, толстым мальчиком с длинными волосами, и довольно женственным при этом. В нем было своеобразное зеркало, которое позволяло заглядывать в другого человека, и пейзажи с лицами кружились в нем, отряхивая силу тяготения, как в аттракционе, где человека придавливает к крутящимся стенкам округлой камеры, и он застывает, словно на весу. Но девица устраивала по ком-то преждевременные поминки, завешивая зеркало простыней. Когда же Орангутнаг стал настоящим атлетом, любовь в ней проснулась, да было уж поздно. Она была некрасивая девочка с неприметным лицом, но в глазах ее зеленых все время мнился какой-то сад и райские реки. Затон, Ч1, ГЗ: 3

60 Второй раз дело было поздним летом, в августе. Кузьма работал тогда сторожем на стройке, он пригласил однажды своих друзей и свою возлюбленную на пляску, которая состоялась на десятом этаже строящегося здания. Кто-то из них покурил травы, особенно возлюбленная, а Кузя со мной плясал под барабанивание Антона и перещипывание Борюгой (наших друзей) струн фрагмента пианино. Кузя устремился ко мне и лбом уперся в мой лоб, и я понял, что он хочет кого-то убить. Оказалось, что не меня, а соперника, что с возлюбленной упал в стороне и не мог подняться от гнета анаши и нашей с Кузьмой пляски. Когда мы спустились вниз, Борюга, перебирая свою импровизирован- Затон, Ч1, ГЗ: 4

ную арфу, начал петь про меня и Кузю скабрезные куплеты, направляю их в сторону враждебной части собрания.

61 И эту свою любовь Кузьма прозревал в затейливых картинах, которые бежали от него по зеленой земле, какая бывает только в августе, когда играешь в города — в ножички. Как потом выяснилось, под пляской подразумевался ритуал, призванный сбить с ног соперника. Соперник действительно оказался устранен, но Кузя-Орангутанг так и не смог воспользоваться своим положением, поскольку мужская сила и слова покидали его всякий раз, когда чувство в нем достигало своей высшей степени. Затон, Ч1, ГЗ: 5

62 Став атлетом, Кузьма нашел своего близнеца. Близнец оказался сиамским и, хуже того, женщиной. Они вступили в кровосмесительную связь, которая принесла им здорового ребенка. В разумной беседе он обрел своего соглядатая, хотя сам был идеальным двойником. Это была Скво. Она любила длинные платья, красные, фиолетовые, с черной и белой полосой, всевозможных цветов и фасонов. Она играла в кукольный театр, развешивая персонажей потенциально кровавых спектаклей на бельевой ниточке в своей комнате, раскрашенной желтыми субмаринами и свинцовыми дирижаблями. Комната напоминала собой чащу, в которой поблескивали в солнечных лучах фотографии. Одна, старинная, с замутненными лицами висела на стене. Остальные лежали в чемоданчиках под радиолой, на фортепиано, на этажерках. Затон, Ч1, ГЗ: 6

63 Скво — профессиональный фотограф и рисовальщик. Ею был написан мой портрет, на котором я написан сорокалетним, у ней хранился мой чемодан на случай самоубийства. Затон, Ч1, ГЗ: 7

64 Чемодан на случай самоубийства. Увидев однажды, как Янино сидит на коленях у Дэна-Дона Хуана Раскосого, который хитро улыбается и взором Элвиса выглядывает из-под шляпы, решил я собрать свои вещички, как то: коллекцию пробок из-под пивных бутылок, пару писем, запечатанных в фотобумагу и пачек Житан — также одинаковых, но которые я подневно помнил, решил я покончить с собой. Серый железный чемоданчик для инструмен- Затон, Ч1, ГЗ: 8

тов с переводной картинкой «зимородок» был помещен в черный школьный дипломат и заперт на ключ. Черная желчь играла во мне. В конце концов я оказался на пляже, где валялся на песке в пальто, а потом оказался в электричке, где плевал и нагинался, блюя в пол, и не мог поднять глаз даже к окошку, мимо проходили милиционеры, которые не предали этому значения. Леха и Саша Муравьев поддерживали и вели меня домой.

65 Когда же Орангутанг почувствовал снова любовь, это произошло дважды. Едва увидев ее, он все понял, все: что жизнь его до этого момента, все поступки и случайности вывели его не туда, как будто бы в цирке он потерял свое место, и вышел вместо левой на правую сторону, и вот уже гаснет свет, сейчас появится под куполом гимнастка, как он замечает свою маму, на той, правильной стороне. Лицо этой женщины вмиг стало знакомо ему, как смерть родителей, через внутреннее стеклышко он оглядел свои годы так же, как в театральный бинокль, и взгляд его уперся во что-то непрозрачное, как будто бы увеличительные стекла перевернули на потолок. Потом он увидел осенний двор, где облетали самолетики кленов, стояла будка «огнеопасно газ» и краснокирпичная стена здания, которой давно уже нет. Во дворе было кладбище, и по нему он бродил с этой женщиной. Падало солнце, и лицо ее казалось самым памятным ему, как лица на фотографиях двадцатых годов в долгих выдержках, набеленным от нежности и со взглядом смертным, какой, наверное, поймал бы Орфей, ведший за собой лишь тень Эвридики, у врат Гадеса.

Затон, Ч1, ГЗ: 9

ДОПОЛНЕНИЕ

***

обычно я играю словами в виселицу
вместе со своим другом Кузей Орангутангом
обычно я играю в пьяницу
с немцем по фамилии Гуттентаг

мой друг Антон работает в милиции
а другой друг поляк-пожарник
мы с ним вместе ходим в костеле молиться
он очень грустный очкарик

по городу ходит мальчик Петя
он еврей и лгун и к тому же толстый
я попросил у него пять копеек
но он сказал что день сегодня постный

Кузя Орангутанг бегал по городу с лилией
и рыдал а от нее пахло мертвечиной
он думал о далекой Ливии
где мавры в тюрьме дрочились

он думал о невозможной любви к своей сводной сестре
которая была на класс младше и жила у мечети
он бегал по Ливии он бы сжег ее на костре
у него страшная рожа а в руках мачете

таковы вкратце жители нашего городка
они не настаивают на знакомстве
у меня осталось ровно два пятака
чтобы доехать до Томска

я побрил голову и теперь хожу лысый
и все жду-ду-ду твоих писем

а о том что хочу тебя видеть
уж молчу но боюсь себя выдать

***

привет Дина
я пропах от никотина

как Вася Стрижкин в стихотворении написал
все остальное будем смотреть по часам

видел твою фотку на закрытии литературного сезона
перемены значительные с конца прошлого года

в Москву едет мой друг Кузя Орангутанг
Диму Кузьмина он увидит там

Диме я звонил в пятницу звонил и Марианне
могу вообще звонить по-обезьяньи

скажешь телефон позвоню тебе
а пока я в основном играю на губе

на небе ни облачка хоть кого в живот пырни
видеооператоры нас с Игорем снимали из Перми

пока разрабатываю генеральный план
побега в Москву но кто ждет меня там

засим прощаюсь фотку уже не жду
Сережа Соколовский дует в дуду

***

все равно не будет побега
все равно не будет ночлега

еще чего не будет
не скажу хоть с меня не убудет
рыжий федул губы надул
яша мутант пил рэд булл
ява гадал мне и скво
я верю картам я стану москвой
на станции проспект мира
работает фонд сэип
я написал им: меня мама не накормила
хочу старых чопорных лип
они говорят может быть ничего не обещаем
может быть если мы не обнищаем
у меня есть друг deus ex max
он говорит мне no more drugs
no more alcohol продавай свой комп
игрушечный и пей клюквенный сироп
останется найти совсем немного денег
и можно по новой начинать дневник наблюдений
три склянки такое короткое бдение
никто не говорит когда твой день рождения
сережа соколовский дует в дуду
в москву едет кузя орангутанг
побега не будет до встречи в аду
я приду и скажу тебе гутен таг
а еще вот это заведи кошку
а лучше съешь ее так ли понимать
ходит девочка рвет цветочки
эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать
в питере проживает даша суховей
мы уже насушили достаточно сухарей
в питере проживает ник кононов
у него наверное есть даже кимоно
отколупывание подзалупной плесени
иногда обеспечивает хорошую пенсию
ты видала пляску на могиле канта?
у плясунов было отличное бель-канто
знаю что одного из них называли жоржик
о дайте мне скорее молока и коржик

гандлевский говорит я отказался от куплета
потом за мной приехала карета
в карете все равны как на подбор
произносят слово мутабор
вчера было 11 сентября
летели два воздушных корабля
летели пели летели и пели
нету уже твоего короля
а мы со скво кефир и беломор купили
отец ее ребенка есть кузя орангутанг
сережа соколовский дует в дуду
я говорю тебе: станцуем танго
но кажется сейчас я упаду
отказался от куплета отменил припевы
ты мой анчар я твоя мертвая царевна
лишь один есть припев хороший
Я СКОПИРОВАЛ ТЕБЯ С ГРУДИ У ЛЕШИ
хотя для тех кто кузнечики души
пожалуй все припевы хороши

***

Привет тебе от старых штиблет
Вчера на базаре купил себе стилет
Посмотрел передачу про «Вова и Лиля были здесь»
Захотел есть

Съел булку котлету и суп
После этого заболел зуб
После чего немного полежал
Пришел Кузя Орангутанг и руку мне пожал

Решили навестить Цезаря Петровича
Командующего всеми психами и их сокровищами
Пошли для этого на улицу Владимировскую
У Кузи вскочил волдырь на скуле

Купили спичек закурили беломор
А там пока собрался весь бомонд
Начали тетеньки и дяденьки плясать
Как будто бы их блохи стали кусать

Вволю насмотревшись взяли и ушли
Потом побрились а волосы сожгли
Кузя пошел покупать билет
А я стал думать как применить стилет

Ничего не придумал позвонил Володе
О вписках в городе опять стал голодный
Снова съел булку выпил кефир
Пошел на балкон опять покурил

Курил и думал не забить ли стрелу
С одной особой где-нибудь на углу
Кривоколенного с Потаповским 25 октября?
Место встречи изменить нельзя

Наконец-то наступило воскресенье
У болгарина украли штаны в бассейне
А дело было прошлой зимой
Теперь расклад совершенно иной
Ну пожалуйста поговори со мной

***

караулит сон
твой и мой
и пройдется колесом
утром
Петр Иваныч Кирюшов
наш физрук наш физрук
а потом сел на трон
в инвалидном кресле
он без ног он без рук

Дина спи Витя спи
он качает колыбель
чтобы не было тоски
не скрипела дверь

чтоб во сне пришла царица
к нам с тобой
остается помолиться
покачает головой

а физрук на постель
прыгает с козла
мы устроим карусель
на дереве познания добра и зла

КОММЕНТАРИИ

В настоящем издании представлена первая редакция «Попугайской царицы» (далее — *ПЦ1*) — небольшой повести, написанной Виктором Іванівым в 2003 г., не публиковавшейся как таковая, но послужившей авантекстом для двух других произведений, созданных и опубликованных писателем в следующие два года. Основным конструктивным принципом, организующим текст *ПЦ1*, стал монтаж художественно деформированных дневниковых и мемориальных записей о встречах рассказчика с друзьями, приятелями и родственниками. Инварианты неизотопического монтажа разной степени радикальности были явлены и в текстовых единствах, в которых заняли свои места части разобранной *ПЦ1*: от кусковой композиции из историй, повествующих подчас о происходящем на периферии заявленного сюжета, в повести «Путешествие в город Антон Б., учителя балерин»[1] до подборки опытов в стихах и прозе, подчиненных иерархии объединяющего их оглавления и скрепленных нехитрыми мотивными связками, в «повести» «Город Затон. История о Третьем Человеке»[2].

Название «Попугайская царица» могло бы стать известным читателю «Города Затона», в авторизованных источниках которого, в том числе и в файле, переданном редакции журнала «Дети Ра», оно озаглавливает три начальных главы его первой части. Но в опубликованном тексте заглавие оказалось слитым с эпиграфом — двумя строками из «романса» Яна Сатуновского[3], причем ошибка верстки[4] была нормализована корректором, добавившим запятую после расформированного графическим сбоем заглавия. В результате словосочетание «Попугайская царица» не только утратило озаглавливающую позицию, но и не могло быть воспринято читателем журнала в качестве собственно іванівского текста — его авторство фактически было приписано Сатуновскому.

В первую часть «Города Затона» «Попугайская царица» вошла наряду с тремя другими самостоятельными произ-

1 Окончание основной работы над «Путешествием в город Антон» фиксируется по датам писем Сергею Соколовскому, содержащим одноименные файлы *putesh.doc* (14.01.2004 и 07.03.2004). Первая публикация: Молодая русская литература 2004, другие публикации: Топос 2005, Чумной покемарь 2012.

2 Дети Ра 2005. В публикации, как и в лежащих в ее основе авторизованных материалах, нет жанрового подзаголовка. Но в зеркале публикации в «Журнальном зале» «Город Затон» дан с тегом «повесть» (https://magazines.gorky.media/ra/2021/4/gorod-zaton-2.html?ysclid=lw52f3k3nc656320934). Авторское определение «Города Затона» как повести впервые появляется только в документе 2010 г., дезавуирующем это текстовое единство как таковое (см. сноску 6), и, возможно, имеет инерционное происхождение, канализированное именно упрощающей классификацией, принятой в «Журнальном зале».

3 Финал второго стихотворения из «Пары романсов», см: Сатуновский Я. Хочу ли я посмертной славы: Избранные стихи. — М.: Библиотека альманаха «Весы», 1992, с. 109.

4 Еще до редакционной ошибки текст «романса» был искажен самим Іванівым, давшим имя адресата в первой из цитируемых строк в звательной форме.

ведениями[5], при этом, в отличие от их текстов, поставленных в повесть без изменений, текст и полнота *ПЦ1* были существенно скорректированы, последняя — за счет сепарации фрагментов, уже использованных в «Путешествии в город Антон», и добавления вновь написанного текста. Из 65-и абзацев *ПЦ1* 35 вошли в разные части «Путешествия в город Антон», другие 27 вошли в состав второй редакции[6] «Попугайской царицы», вмонтированной в «Город Затон», где к ним были добавлены еще восемь абзацев. 57-й абзац вошел в оба произведения, а 8-й и 19-й остались невостребованными.

Текст печатается по файлу *popugajskaja.doc* (03.11.2003 0:48), в котором он записан дважды — без пробела между дублями. Идентичный текст записан и в файле *POUGAJ.txt* (03.11.2003 0:49), расположенном в той же папке на жестком диске домашнего компьютера Виктора Іваніва, что и *popugajskaja.doc*. Скорее всего, ни один из этих файлов не был рабочим, то есть таким, в котором текст набирался бы по ходу его сочинения или монтировался бы из готовых фрагментов. Первичный набор или монтаж, или комбинация обеих техник, приведшая к существующему оформлению текста *ПЦ1*, были произведены в файле, созданном на компьютере, оснащенном, в отличие от домашнего компьютера писателя с Windows 98, операционной системой класса DOS. В именах файлов, созданных в таких операционных системах, буквенный регистр не дифференцирован, а при переносе этих файлов на более прогрессивные платформы их имена отображаются символами верхнего регистра, что, видимо, и произошло с именем предполагаемого файла-прототипа. На то, что такой файл должен был существовать, указывают и характерные особенности графики некоторых знаков препинания, присущие тексту в обоих файлах-источниках (кавычки-лапки, дефис вместо тире) и само наличие нефункционального, в смысле дальнейшего взаимодействия писателя со своим сочинением, явно буферного сохранения текста в файле с расширением *.txt*.

Возможность первичного набора *ПЦ1* с использованием программного обеспечения Windows следует признать ни-

5 «Брезгливость и омерзение» (1999), «Руй Кошта, или Рука, указующая берег» (2000) и «Острова зрелищ» (2001). В письме Д. Кузьмину (15.01.2003) Іванів признает, что «Брезгливость слаба и плохо написана» но тут же оговаривается, что «она важна» (см. ПМВ2 2021, с. 45). «Город Затон» — подборка ранних и/или сочтенных автором «плохо написанными» (но, видимо, не настолько, чтобы безоговорочно отказаться от них) прозаических текстов, выстроенных вокруг новых стихотворений — могла повторить судьбу другой монтажной прозиметрической поп-ап композиции, созданной за полтора года до «Города Затона» на частично родственном ему материале — «Corpora corporationis, или Путешествие из города Виноград в город Антон» (см. ПМВ2 2021, с. 99–102), но обстоятельства сложились иначе — «Город Затон» был опубликован, а участь эфемера досталась первой редакции «Попугайской царицы».

6 В будущее собрание сочинений Іваніва, видимо, должна быть взята именно редакция «Попугайской царицы», вмонтированная в «Город Затон». Во всяком случае, ее текст без каких-либо изменений вошел в состав проекта сборника «критики, эссеистики, публицистики, маргиналий» (см. *kritika.doc*), оформленного писателем в 2010 г., и наследующего ему 5 тома проекта пятитомного «Собрания сочинений» (2011) — без эпиграфа и с суррогатом названия «Фрагменты к повести «Город Затон». Снятие названия и эпигра-

чтожной — вряд ли, имея ресурс для набора текста в Word, писатель стал бы делать это в приложении «Блокнот», средства автоматизации которого минимальны и в актуальном для описываемых процессов плане исчерпываются командой «Перенос по словам», к тому же в файле *POUGAJ.txt* не отданной. При первичном же наборе в Word должны были бы появиться кавычки-елочки, а дефис, отбитый с двух сторон пробелом, преобразоваться в короткое тире. Иначе говоря, набор в Word дал бы графические результаты, которых в исследуемых документах нет. То есть, практически синхронное сохранение этих файлов на домашнем компьютере Іваніва должно интерпретироваться следующим образом: текстовой файл, заблаговременно созданный на компьютере с DOS, в ночь со 2 на 3 ноября 2003 г. был раскрыт средствами Windows, содержащийся в нем текст был скопирован и сохранен во вновь созданном файле с расширением *.doc*, а минуту спустя был пересохранен и сам исходный *.txt*-файл. Задвоенность текста в файле *popugajskaja.doc*, объясняемая низкой производительностью компьютера, на котором осуществлялись операции копирования и вставки, исключает технически возможный обратный порядок создания этих файлов на этом компьютере.

Изложенная аналитика показывает, что хронометрия файлов-источников не имеет прямой связи со временем создания содержащегося в них текста, а лишь обозначает позднейшую из возможных дат его финального набора или сведения ранее набранных фрагментов в единый блок под общим заглавием. Указание на время начала работы над текстом *ПЦ1* вычитывается во втором ее абзаце, сюжетное время которого отсылает к московской поездке писателя 12–14 декабря 2002 г.[7], после которой «прошел месяц». Уточняющие сведения о времени создания некоторых фрагментов, вошедших в *ПЦ1*, или их вариантов, находятся в других источниках. Все они датируются январем-февралем 2003 г.

Так в двух одноименных файлах *Corpora corporationis.doc*, созданных 19 января и 9 февраля 2003 г. соответственно, глава «В гостях у господина Явы», начало которой написа-

фа, видимо, должно было маркировать отказ «Попугайской царице» в статусе самостоятельного законченного произведения, но, в какой-то степени, могло быть подсказано и их порчей, допущенной при публикации в составе «Города Затона». Во всяком случае, три других текста из первой части повести, так же вошедшие в раздел «Фрагменты, ранние произведения» 5 тома, свои названия в нем сохранили.

7 См. о ней в ПМВ2 2021, с. 94.

но «сегодня, 17 января»[8], содержит фрагмент с вариантом текста 20–22-го абзацев *ПЦ1*. Далее в этой же главе после описания событий, произошедших «вчера, 18 <января>», следует текстовой период, соответствующий абзацам 44–50 с небольшими вариациями в 45-м и 49-м. Наконец, только в февральском файле *Corpora corporationis.doc*, в первом параграфе «Приложения 01», дан родственный 16-му абзацу текст, в котором отмечено, что «сегодня Крещенье», то есть 19 января. Очевидно, что названные или угадываемые в контексте повествования даты не являются строгим указанием на время собственно сочинения соответствующих фрагментов — они могли быть написаны и раньше, а здесь только причленены к датированному фрагменту, или наоборот — сочинялись после приуроченных к датам событий. И, разумеется, выясненные датировки не определяют время переработки текстов из файлов *Corpora corporationis.doc*, приведшей к вариантам, закрепленным в *ПЦ1*.

Другого рода небесспорная датировка текста находится в файле *1.doc*, содержащем стихотворение «Гундосят ли французы...» и заметку «Купание» с вариантом 27 абзаца *ПЦ1*. Текст в файле имеет авторскую датировку вида «НСК 27.01.2003 6 ч. 19 мин.», которая может относиться как ко времени создания текста «Купания», так и индексировать время размещения предъявленной прозиметрической компиляции в файле-прототипе. Такой файл непременно должен был существовать, если верно второе, а если оно верно, то «Купание» могло быть написано и раньше означенной даты.

Еще один источник, отмечающий позднюю границу датирующего интервала создания, на этот раз для абзацев 27, 36, 37 и 41–43, находится в файле *CHASTE2.doc*, созданном 24 февраля 2003 г. Фрагменты его текста, соответствующие пяти из перечисленных абзацев, либо совпадают с ними, либо несут на себе следы позднейшей переработки (распространения и нюансировки), занимая промежуточное положение[9] между текстом *ПЦ1* и текстом повести «Путешествие в город Антон». А в случае с 37-м абзацем — начало главы «Пьяная книжка» в *CHASTE2.doc*, не имея

8 Редакционная конъектура, введенная при подготовке текста «Corpora corporationis» к изданию — см. ПМВ2 2021, с. 35. В авторизованных источниках — «18 декабря», явно набранное по ошибке.

9 То есть, файл *CHASTE2.doc* не является источником *ПЦ1* — вернее будет предположение, что соответствующие фрагменты в составе *CHASTE2.doc* и *ПЦ1* имеют общий источник.

с ним значительного лексического соответствия, корреспондирует с его темой.

В комплексе с рассмотренными источниками фрагментарная структура *ПЦ1*, составленная не всегда мотивированно сцепленными — порой просто перечисленными реляциями о происшествиях, довлеет предположению о распределенном во времени и независимом друг от друга сочинении ее частей, позже объединенных под общим заглавием. Полифилетическое происхождение текста дает объяснение сосуществованию в нем фрагментов, мотивно и лексически дублирующих друг друга, введенных автором из очевидно далековатых текстовых прототипов — как в случае с 13-м и 19-м абзацами, чья генетическая связь возможна, но не обязательна. Независимые разработки одного мотива в сходных выражениях могли быть произведены писателем в разное время и в разных, не сохранившихся источниках, а допущенный при сведении и, вероятно, неотрефлексированный автором повтор, в свою очередь, подтверждает сценарий механической сборки итогового текста в относительно короткую сессию.

Ни одного из первичных источников — рукописного наброска или рабочего файла, содержащего какой-либо из фрагментов *ПЦ1* — не сохранилось. Таковым не может считаться и файл *Java friend of mine.doc* (27.08.2003), в котором содержится связный текст, соответствующий абзацам 44–50 — он полностью совпадает с соответствующим фрагментом в созданных за полгода до него файлах *Corpora corporationis.doc* и, скорее всего, является позднейшей вырезкой из одного из них. Состав *ПЦ1* мог компоноваться, как текстами из теперь утраченных первичных источников так и фрагментами, подвергшимися переработке и уже входившими в другие текстовые единства, например, в те, о которых было упомянуто выше. Но могли существовать и другие ранние компиляции, имевшие текстовые пересечения с составом *ПЦ1* — как и первичные источники, не сохранившиеся.

В следующем далее нумерованном перечне вариативных абзацев *ПЦ1* приводятся соответствующие им текстовые

параллели, как отмеченные в доступных редакции и перечисленных выше источниках, созданных до ее сборки, так и получившие свой вид в файлах, относящихся к работе над повестями «Путешествие в город Антон Б., учителя балерин» (*putesh.doc, gorodAnton.doc*) и «Город Затон. История о Третьем Человеке» (*gorodzaton.doc*), а также сборником малой прозы «Таблицы Брадиса» (*bradis.doc*). Для каждого абзаца дается формула привязки абзаца к соответствующему месту в одной из повестей. Правила чтения формул см. в примечании, размещенном в нижнем поле с. 9. Числа в скобках означают порядковые номера варьированных строк абзаца в настоящем издании. Варианты с наращениями текста, предваряющими первые строки, имеют нулевую индексацию. Абзацы со сплошным или значительным дискретным варьированием текста даются полностью.

4. Антон, P.P.S.
gorodAnton.doc — (15–16) «...в подарок в московском...»
bradis.doc — в качестве самостоятельного произведения под названием «Корешки книг» — (6) «...в подарок в московском...»

5. Антон, Ч2, Дурак: 19
putesh.doc — (0–1) «Вот принесли мне грог, и достал я бесплатную газету на английском языке, и начал я курить свой Беломор. Я недостаточно бегло читал по-английски, но тут сразу же вник в содержанье статей. Это был рождественский выпуск, люди во всем мире завершали свои земные дела и готовились к празднику. Все черты наступления грядущего царствия проступили в газетных колонках. Но они говорили о нем не напрямую, а намеками, косвенно и иносказательно. Одна статья навсегда отпечаталась мне в памяти, вернее, ее заголовок: «Москве никогда не бывать Индией». Честно говоря, ниже заголовка я и не стал заглядывать. Я сразу же вспомнил...»; (14) «...видели с Д. и с Соколом...»
gorodAnton.doc — (0–1) в редакции *putesh.doc*; (14) «...видели с D и с Соколом...»

7. Антон, Ч1, История Человека-Палки
gorodAnton.doc — (1) «Игоряха, по прозвищу...»

11. Антон, Ч1, История Умбера Младшего
gorodAnton.doc — (1) «Умбер-младший искал нож...»

13. Затон, Ч1, Г1: 5
Ср. с 19-м абзацем.

16. Затон, Ч1, Г1: 8
Corpora corporationis.doc — «PS. Вчера я читал записную книжку-молитвенник. Сегодня Крещенье, рецепт № 1: мандариновый сок и кефир, кофе по-венски? Молочный коктейль, «Беломор», «Ностальгия Прима Сталин-Ленин», вкус ладана, меда, ссохшейся травы; ватки спирт изо рта пахнет лекарствами, а у Януса — вечером помойкой, утром — ладаном; встретил слепого священника в черном, перекрестился, оставив его за спиной, по католическому обряду; звонок Дины, контакт с Антоном установлен, проглотил огонь папиросы, прочистил ушки факелами на ватке, «Москва», да нет, коробочка, из шкатулки святителя Пантелеймона минюскюльной ложечкой отведал миот».
gorodzaton.doc — (6–7) «...со вкусом мертвой травы...»

17. Затон, Ч1, Г1: 9
gorodzaton.doc — (13) «...обводит глазами комнату...».
Ср. с описанием ночевки «в тети-нюриной квартире, под шкафами из красного дерева, в комнате, где умерла тетя Галя, и где 4 года назад я читал рисунок пылинок на полу и хотел положить весь дом с потолком в пододьяльник, играя в жаркие страны», в повести «Летовс-Wake» (Чумной Покемарь 2012, с. 207).

18. Антон, Ч1, История об узбеке-каннибале
gorodAnton.doc — (3) «...домой, предлагая посмотреть порнографические открытки, чтобы...»

19. Затон, Ч1, Г1: 5
Ср. с 13-м абзацем.

20–22. Антон, Ч1, К парикмахеру: 9
Corpora_corporationis.doc — «В то время я имел флирт с Николаем Сипаевым, поклонником дуче, Д`Аннунцио и Маринетти. Рассказывали, что в этой рощице за театром Сипаев выебал китайца, который затем еще и обосрался. Я дал ему почитать гамадрильский мадригал «Что написала сиротка Марыся своему возлюбленному», где были и такие строчки: «Веки оправлю, щеку, Колечка, лизни пощенячьи, когда я выйду на крылечко». Он ответил мне стихами «Мой грустный грех прости мне, Гриша» и «Мой фюрер». Мы беседовали о грусти Верлена, о разнице слов «груздь и Тоска» на станции метро «Ручной зверек». Он был мясолицый и напоминал до посинения молодого французского актера шестидесятых годов, лоснящегося от пота, с приклеенным носом. Когда же вздох платонической любви опустился до моей немеющей жопы, я почти осязательно осознал весь ужас своего положения и отверг его ласки. Как мы потом вспоминали с Явой, Сипаев ставил спектакль, где выбегал на сцену в голом виде, а также писал диссертацию о Гельмуте Коле».
gorodAnton.doc — «Я и на Плешке в полночь! Плешка или же Плашка — это место на площади за театром, где собирались гомосексуалисты. Я знал это от Николая Сипаева, который со мной когда-то флиртовал. Рассказывали, что на этой самой Плешке Николай выебал китайца, который затем еще и обосрался. Николай был поклонником дуче. Он показывал мне стихи: «мой фюрер», «мой грустный грех прости мне, Гриша» и другие. Он любил разговаривать об особой грусти Верлена и показывал мне татуировку на груди, где были изображены Верлен и Рембо. Он напоминал до посинения мясолицего плотного француза, лоснящегося от пота, с приклеенным носом. Когда-то Сипаев ставил спектакль, в котором выбегал на сцену в голом виде. Я после долго казнился за то, что встречался с ним».

23. Антон, Ч1, К парикмахеру: 10
gorodAnton.doc — «Педерасты, которые посещали Плашку, были хорошо знакомы друг другу и жили в состоянии постоянного промискуитета, что делало их очень несчастными. Мне тоже стало грустно. Неужели парикмахеры расхаживают по парку под фонарями в своих белых халатах? Зачем меня зовет туда Глеб? Что он знает о маньяке? На какое сходство намекает?»

27. Антон, Ч1, Купание Дины
1.doc — в составе заметки под названием «Купание» (3-й абзац) — «Динка плавала в Волге около Самары и чуть не потеряла панамку, когда услышала гудок парахода, как маленькая голубка, как гуппи, как камышинка, как дудочка Маленького Мука, которой он сзывал всех на праздник».
CHASTE2.doc — в составе заметки под названием «Купание» (2-й абзац) — «Дина плавала в Волге около Самары и чуть не потеряла панамку, когда услышала гудок парохода, как маленькая голубка, как гуппи, как камышинка, как дудочка Маленького Мука, которой он сзывал всех на праздник».

34. Антон, Ч1, Продолжение истории о Леше Чорт-Нильском: 6
gorodAnton.doc — (1) «В самый зимний...»

36. Антон, Ч1, Решка и метро: 1–13
CHASTE2.doc — в составе главки «Пьяная книжка» (3–6 абзацы) — «Вскоре к нам с Элефантом приблизилась группа молодых людей, и среди подошедших Элефант узнал своего приятеля, молодого охранника по имени Инфант. Дело было в промозглый октябрьский вечер, когда холодный пот выступил вокруг фонарей, в лужах блестел уже ледок. С Инфантом был еще Лысяк ростом под метр шестьдесят, да еще носатый паренек по прозвищу Кистень. Мы зябко познакомились, но беседа оборвалась на первом слове. Очень скоро нам захотелось выпить синей воды. Наш выбор пал на магазин на Вокзальной улице, неподалеку от «Букиниста». Вышедши же из магазина, мы оста-

новились и встали в кружок у какого-то бордюрчика, полочки на тротуаре, и стали, попивая из пластмассовых стаканчиков синюю воду, рассказывать байки.

Первым начал инфантильный боксер-охранник со сломанным носом. Вся его история состояла в том, что отец у него клоун в цирке. Я отошел к соседней палатке за портером, а когда вернулся, Инфант начал просить меня дать примерить шляпу, да как просить, просто хватать ее за поля, угрожая подзатыльниками. Но тут вмешался коротыш: «Никогда не понтуйся, не стремайся оттого, что у тебя на голове. Иду я, помню, по улице Рунге в жаркую летнюю ночь, а на голове у меня, веришь, сомбреро, такое большое, что машины останавливаются, принимая меня за сутера. А я шляпу за голову закидываю и отвечаю им: 12 часов, словно у меня спрашивают время, и они со смехом, те, кто в машинах, уезжают, и больше ни о чем не спрашивают, так что ты никогда не стремайся! Ты че как вафел! А на ногах у меня — кожаные штаны!» Выпили еще по стопарику, и мир закачался, подобно вафельному стаканчику в руках лакомки, подобно подвесному фонарику. Я-то пил пока портер.

Пришла очередь рассказывать и Кистеню, но тут неведомо откуда выпрыгнул озирающийся опрометью человек и присел на край бордюрчика. Это был зека, и он попросил папиросочку. Его просьба была удовлетворена. Все взоры обратились к нему, а обо мне на время забыли. «Как звать-то тебя?» — спросил коротыш. «Серегой». «Ты когда открылся?» «Два дня в отпуске». «И долго ты был на тюрьме? И на какой». «Там...» Инфант узнал место и спросил: «А где там метро и решка»? «Мне бы выпить...» — ответствовал зека. Я отдал ему свой портер, что осталось. Вдруг Серега сказал: «А я иду счас фраера валить там, за цирком. Он с моей женой живет, зашел тут к ним, она меня любит, а дочери меня не узнают». «Сколько лет-то тебе?» «30». «А когда сел?» «В 1987 году по малолетке. А сейчас, хочешь, пику достану?» «Да ведь фраер-то ни в чем не виноват, не ходи, ты ж его не знаешь». «А мне по хуй. Он мою женщину ебет».

Вдруг он обратился ко мне. «А подари-ка мне шляпу». Тут Инфант сказал: «Ты шляпу-то не трогай». «А дай как я ему песенку спою». Тут подошел и в самое ухо мне прошептал, попердывая: «Пум-цаца пум-цаца пум-цаца». Потом обнял меня, потом отошел: «Достать пику-то?». Я дернулся. Вместо этого Серега выпил водки и блеванул. Инфант отвел его к киоску и что-то долго говорил ему, после чего тот сорвался с места и убежал куда-то. Инфант сказал, что от хука человек может упасть, не важны тут ни рост, ни расточка. Потом прибавил: «А че сразу на измену подсел? Никогда не показывай этого, они только и ждут». И прибавил: «Ну что, раз не пидорас», и засмеялся. Мы перешли через дорогу и там вновь встретили Элефанта, и пошли догоняться. В магазине на углу, на кассе, встретили двух мужиков, как выяснилось, приехавших на поминки третьего своего друга. А я их, было, принял за педиков. Но один из них оказался врачом, а второй вообще приехал из Москвы, именно на похороны третьего друга. Мы выпили с ними, затем отошли. Инфант вдруг взял и сказал мне: «Я тебя куплю». Я ответил, что тогда куплю его потомство до седьмого колена. Он сказал, что попомнит мне это, что он мстивый. И точно, спустя пять минут отвел меня в сторону и вдруг сдавил мне болевую точку за ухом так, что тень подступила к глазам. «Купишь, говоришь, до седьмого колена», — произнес он, надавливая, добиваясь, чтобы я отказался от своих слов, а как от них откажешься? Вскоре мы разошлись. Коротыш провожал меня по улице Челюстей от цирка до церкви. Мы не только никого не встретили, но даже не слышали криков. В этом часу в скверу у цирка по кругу разъезжает милицейская машина, подбирая пьяниц, чтобы отвезти их в мусарню. Пика же или финка так и исчезли в глубине кармана Сереги, если они вообще там были, ведь он не помнил расположения решки и метро».

gorodAnton.doc — «Между тем ко мне приблизилась группа молодых людей, и среди подошедших я узнал молодого охранника по имени Инфант. Дело было в промозглый октябрьский вечер, когда холодный пот выступил вокруг фонарей, в лужах блестел уже ледок. С Инфантом был еще

Лысяк, ростом под метр шестьдесят, да еще носатый паренек по прозвищу Кистень.

Мы зябко познакомились, но беседа оборвалась на первом слове. Очень скоро нам захотелось выпить синей воды. Наш выбор пал на магазин на Вокзальной улице, неподалеку от «Букиниста». Вышедши же из магазина, мы остановились и встали в кружок у какого-то бордюрчика, полочки на тротуаре, и стали, попивая из пластмассовых стаканчиков синюю воду, рассказывать байки.

Первым начал инфантильный боксер-охранник со сломанным носом. Вся его история состояла в том, что отец у него клоун в цирке. Я отошел к соседней палатке за портером, а когда вернулся, Инфант начал свои клоунские штуки, просить меня дать примерить шляпу, да как просить, просто хватать ее за поля, угрожая подзатыльниками.

Но тут вмешался коротыш: «Никогда не понтуйся, не стремайся оттого, что у тебя на голове. Иду я, помню, по улице Рунге в жаркую летнюю ночь, а на голове у меня, веришь, сомбреро, такое большое, что машины останавливаются, принимая меня за сутера. А я шляпу за голову закидываю и отвечаю им: 12 часов, словно у меня спрашивают время, и они со смехом, те, кто в машинах, уезжают, и больше ни о чем не спрашивают, так что ты никогда не стремайся! Ты че как вафел! А на ногах у меня — кожаные штаны!»

Выпили еще по стопарику, и мир закачался, подобно вафельному стаканчику в руках лакомки, подобно подвесному фонарику. Я-то пил пока портер.

Пришла очередь рассказывать и Кистеню, но тут, неведомо откуда, выпрыгнул озирающийся опрометью человек и присел на край бордюрчика. Это был зека, и он попросил папиросочку. Его просьба была удовлетворена. Все взоры обратились к нему, а обо мне на время забыли.

«Как звать-то тебя?» — спросил коротыш. «Серегой». «Ты когда открылся?» «Два дня в отпуске». «И долго ты был на тюрьме? И на какой». «Там...» Инфант узнал место и спросил: «А где там метро и решка?» «Мне бы выпить...» — ответствовал зека. Я отдал ему свой портер, что осталось.

Вдруг Серега сказал: «А я иду счас фраера валить там, за цирком. Он с моей женой живет, зашел тут к ним, она меня любит, а дочери меня не узнают». «Сколько лет-то тебе?» «30». «А когда сел?» «В 1987 году по малолетке. А сейчас, хочешь, пику достану?» «Да ведь фраер-то ни в чем не виноват, не ходи, ты ж его не знаешь». «А мне по хуй. Он мою женщину ебет».

Вдруг он обратился ко мне. «А подари-ка мне шляпу». Тут Инфант сказал: «Ты шляпу-то не трогай». «А дай как я ему песенку спою». Тут подошел, и в самое ухо мне прошептал, попердывая губами: «Пум-цаца пум-цаца пум-цаца». Потом обнял меня, потом отошел: «Достать пику-то?» Я дернулся. Вместо этого Серега выпил водки и блеванул. Инфант отвел его к киоску и что-то долго говорил ему, после чего тот сорвался с места и убежал куда-то.

Инфант сказал, что от хука человек может упасть, «не важны тут ни рост, ни расточка». Потом прибавил: «А че сразу на измену подсел? Никогда не показывай этого, они только и ждут». И прибавил: «Ну что, раз не пидорас», и засмеялся. Мы перешли через дорогу и там пошли догоняться.

В магазине на углу, на кассе, встретили двух мужиков, как выяснилось, приехавших на поминки третьего своего друга. А я их, было, принял за педиков. Но один из них оказался врачом, а второй вообще приехал из Москвы, именно на похороны третьего друга.

Мы выпили с ними, затем отошли. Инфант вдруг взял и сказал мне: «Я тебя куплю», продолжая свои клоунские штуки. Я ответил, что тогда куплю его потомство до седьмого колена. Он сказал, что попомнит мне это, что он мстивый. И точно, спустя пять минут отвел меня в сторону и вдруг сдавил мне болевую точку за ухом так, что тень подступила к глазам. «Купишь, говоришь, до седьмого колена», — произнес он, надавливая, добиваясь, чтобы я отказался от своих слов, а как от них откажешься?

Вскоре мы разошлись. Коротыш провожал меня по улице Челюстей от цирка до церкви. Мы не только никого не встретили, но даже не слышали криков. В этом часу в скве-

ру у цирка по кругу разъезжает милицейская машина, подбирая пьяниц, чтобы отвезти их в мусарню. Пика же или финка так и исчезли в глубине кармана Сереги, если они вообще там были, ведь он не помнил расположения решки и метро».

37. Затон, Ч1, Г2: 5
gorodzaton.doc — (0–1) «Я работал тогда в магазине «Лузитания», когда ко мне Ненашев зашел. Нужно было продавать, продавать, продавать, хотя бы уже самой продажи продаж, как мне кажется достаточно. Торговля должна была идти плотно, без зазора. В магазине...»
Ср. с началом главки «Пьяная книжка» в *CHASTE2.doc* — «Я встретился с неким человеком, назовем его Элефантом, в «Букинисте», где он поведал мне историю о пьяной книжке. Если книги на полке начинают сами собой шататься, сказал он, то это значит, что среди них затесалась «пьяная книжка». Она всегда неприметна, но если ее раскроешь, если вдохнешь типографскую краску от ее букв, то тотчас почувствуешь, что это и не краска вовсе, а вино, а коньяк, почувствуешь, что страницы у нее липкие, как лапки мух, попавшие в патоку. Говорят, что Вакх написал ее виноградной лозою, сорванной в Виннице. Если же ты откроешь эту книжку, то тотчас забудешь, о чем читал, а буквицы начнут плясать во всей твоей библиотеке так, что ни в одной брошюрке ничего невозможно будет разобрать, страницы начнут благоухать и облетать, как лепестки маковые. Сам же ты, не помня себя, заснешь, а проснешься на полу с головной и телесной болью, словно ты вчера был пьян, как сапожник».

40. Затон, Ч1, Г1: 11
gorodzaton.doc — (3) «...бритья головы с мылом...»

41 . Путешествие в город Антон, Ч1, История о человеке, который лежал в канаве и в ящике: 1
CHASTE2.doc — 1 абзац главки «История о человеке, который лежал в канаве и в ящике» — «Один человек, еще

будучи ребенком, в полуденные часы летних дней, когда все разъезжались на каникулы, любил, постелив газетку, ложиться в канаву возле школы, и там читать разные книжки».
gorodAaton.doc — в редакции *CHASTE2.doc*.

42. Путешествие в город Антон, Ч1, История о человеке, который лежал в канаве и в ящике: 2
CHASTE2.doc — 2 абзац главки «История о человеке, который лежал в канаве и в ящике» — «Когда же он стал постарше, уже был юношей, случилось ему лежать в ящике вместе со своей возлюбленной, а вокруг бегали убийцы, подосланные ее отцом, да так никого и не нашли».
putesh.doc — в редакции *CHASTE2.doc*.
gorodAaton.doc — (0–1) «Когда же он стал постарше, уже будучи юношей...»; (2–3) «...убийцы, подосланные...»

43. Антон, Ч1, История о молоточнике
CHASTE2.doc — «Некогда появился в Городке молоточник, поражавший бредущих по лесу со спины, в самое темя, своим молотком. Так, что никто почти его и не видел. Рассказывали, что это был сошедший с ума ученый. Дети страшно его боялись. Тогда еще шел фильм «Воры средь бела дня». Как-то история с молоточником и эти воры соединились в детском сознании. На спортплощадке тогда были вырыты рвы и один окоп. Мы, дети, часто играли там в войну. Однажды играли мы так и прыгали, когда прибежал Андрейка и закричал: «Молоточник, шухер!» Все опрометью бежали, оставив поле боя. Говорят, что потом молоточника поймали, или что он исчез. Затем, как в истории о самозванцах, появился второй. Второй также то ли был схвачен, то ли исчез».
gorodAaton.doc — в редакции *CHASTE2.doc*.

44–50. Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 1–12
Corpora corporationis.doc — текст без разбивки на абзацы — 45 (2) «...Ява Мошкин похож...»; 50 (2–4) «... Аню Идельс и Аню Пугач. Дым в квартире его курительной трубки вьется, как винтовая лестница, как стремянка. Он...»

Java friend of mine.doc — в редакции *Corpora corporationis. doc.*
bradis.doc — текст, идентичный главе «В гостях у господина Явы» в *gorodAaton.doc* без последнего абзаца, в качестве самостоятельного одноименного произведения.

44. Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 2–4
gorodAnton.doc — (3) «...в доме по улице...»; (4–5) «... Джерри, как фрекен Бок, по колено...»; (11–12) «...гашеные известью и одеколоном «Кипр» книги...»; (13) «...планктона. На дне розеточки, куда попадает лучик в щелку, отражается...»

45. Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 5–6
putesh.doc — в редакции *Corpora corporationis.doc.*
gorodAnton.doc — (1) «Наша любимая песня — рамаллах...»; (5) «...арапа. Он не знаком с Додею Давыдовым, что дает мне повод подозревать в нем Ибрагима Петровича; Ява изучает...»; (9) «...и не летают, и хоть глаз выколи, поскольку постоянно включен телевизор. Все...»

46. Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 7
gorodAnton.doc — (5–6) «...фортуны, карнифекс, и Глория Мунди».

47. Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 8
gorodAnton.doc — (1–3) «...Энглиз, он носит одну доху...»

49. Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 10–11
gorodAnton.doc — (6) «...хашишиеда, принимающий свое посмешище за побиванье камнями. Ява...»; (8) ...крахмальном манишкином воротничке».

50. Антон, Ч1, В гостях у господина Явы: 12–13
putesh.doc — в редакции *Corpora corporationis.doc.*
gorodAnton.doc — (1–2) «...Винница. Ява...»; (2–3) «...Аню Идельс и Аню Пугач. Дым...»

58. Затон, Ч1, Г3: 2
gorodzaton.doc — (4) «...думал Орангутан...»; (9) «...Тогда Орангутан...»

60. Затон, Ч1, Г3: 4
gorodzaton.doc — (1–2) «...в августе. Орангутан работал...»; (5) «...а Орангутан со мной...»

63. Затон, Ч1, Г3: 7
gorodzaton.doc — (2–3) «...я изображен сорокалетним...»

65. Затон, Ч1, Г3: 9
gorodzaton.doc — (1–2) «Когда же Орангутан почувствовал снова любовь, это было двояко. Едва...»

Во время одного из своих московских выступлений, прошедших в октябре 2001 г., Виктор Іванів, возможно, на фоне состоявшейся накануне публикации двух первых частей повести «Город Виноград» в журнале «Уральская новь»[1], отметил, что «стихами и прозой занимается поочередно, периодами, склоняясь в настоящее время к окончательному переходу к прозе»[2]. Трудно сказать, насколько последовательно писатель придерживался таким образом провозглашенной программы в следующие два года, но за этот период известно не более сорока написанных им стихотворений, среди которых, впрочем, есть несколько ставших практически хрестоматийными: «Зеленая пластинка», «Тень маниака», «Я курил сигареты» и некоторые другие. Но в значительной степени этот список составлен, выражено личными, зарифмованными посланиями, очевидно, не предназначавшимися для публикации, и служившими своего рода паратекстом, исполненным ради эмоциональной разрядки, развлекавшей Іваніва во время, действительно, заметно интенсифицировавшего в 2002-м и особенно 2003 г. прозаического письма.

Таковы некоторые из стихотворений, включенных Іванівым в состав прозиметрической композиции «Corpora corporationis, или Путешествие из города Виноград в город Антон»[3], а также стихотворения, собранные в разделе «Месяцелов»[4], дополняющий ее посмертную публикацию. В этом же роде стихотворения из писем и/или письма-стихотворения Іваніва Дине Гатиной, скопированные ею в файл *vittek.txt* (10.01.2004 15:31), обнаруженный в архиве Сергея Соколовского. Хронометрия файла, очевидно, означает позднейшую из возможных дат создания этой подборки, тогда как сами вошедшие в нее стихотворения были написаны осенью 2003 г.

В стихотворениях исторические, культурные и литературные реминисценции перемешаны с воспоминаниями и отчетами о текущих бытовых обстоятельствах, сообщае-

1 Уральская новь № 11, 2001, с. 124–135. Частное сообщение Д. Кузьмина (02.02.2024): «4 сентября 2001 года Кальпиди сообщил мне, что журнал с этими текстами выложен на сайт Журнального зала» (https://magazines.gorky.media/urnov/2001/11/gorod-vinograd.html).

2 Литературная жизнь Москвы № 54, 2001. http://vavilon.ru/lit/oct01.html#2110-1.

3 ПМВ2 2021.

4 Там же, с. 70–76

5 Согласно справке, данной сотрудниками киностудии «Новый курс» (г. Пермь) А. Бабушкиным, В. Соколовым и С. Сосниным, материалы съемки хранятся в архиве «Пермской синематеки» и описываются следующей аннотацией: «Сессия с новосибирскими поэтами (Лощилов, Іванів, Щетников, Филимонов, Самойленко) // Виктор Іванів. В авторском исполнении звучат стихи «Сардинница», «Вот царская глава лежит на траурном помосте...», «Дима Гиндель был мой друг...», «Косточка», «Чего только не услышишь на улице», «Янусик, привет...», «Похороны», «Игра в пьяницу», «Камера», «Зеркальце», «Гимн», «Jeanne d'Ark», «Говорят, что раньше люди жили так же, как сейчас...», «Новый год», «Зеленая пластинка», «Собутыльник сомнамбулы». Поэт рассказывает, как начал писать стихи, и какие стихи хотел бы писать (6 минут). Продюсер, режиссер: Павел Печенкин. Оператор: Алексей Романов. Длительность, дата и место съемки:

мыми в режиме новостей. Последние не только соотносятся с историями, рассказанными в «Попугайской царице», и действующими в них персонажами, но и позволяют довольно точно датировать соответствующие тексты. Так, в стихотворении «привет Дина...» Іванів сообщает о своем участии в съемках фильма о новосибирских поэтах как о недавно состоявшемся событии — «видеооператоры нас с Игорем снимали из Перми». Известно, что данная съемочная сессия состоялась 5 сентября 2003 г.[5] Стихотворение «обычно я играю словами в виселицу...» со строкой «я побрил голову и теперь хожу лысый», очевидно, написано раньше — ко времени съемки волосы на голове поэта успели заметно отрасти[6]. В стихотворении «все равно не будет побега...» называется вчерашний, по отношении к предполагаемой дате написания текста, день «11 сентября». В стихотворении «Привет тебе от старых штиблет» Іванів рассказывает о том, что «посмотрел передачу «про Вова и Лиля были здесь», очевидно, имея в виду телепремьеру документального фильма Сергея Тютина «Веселый год Маяковского». В этом же стихотворении поэт собирается «забить стрелу <...> 25 октября», то есть оно должно быть написано раньше этой даты, но позже даты эфира «Веселого года» на телеканале «Культура» — 19 августа.

10 июля 2005 г. стихотворение «Привет тебе от старых штиблет...» под названием «О забитии стрелы по-ангéльски» было размещено Іванівым в его аккаунте на сайте «Живой журнал»[7]. Под этим же названием оно вошло в состав поэтического сборника «Стеклянный человек и зеленая пластинка»[8]. Для остальных четырех стихотворений подборки файл *vittek.txt* является единственным источником.

60 мин. 20 сек., 5.09.2003 г., г. Новосибирск». В распоряжении редакции находится звуковая дорожка отснятого материала с чтением Іваніва. Это единственный известный источник, в котором стихотворение «Вот Вы в образе революционера-интеллектуала...» имеет название — «Сардинница». Последние шесть минут записи, во время которых «поэт рассказывает», содержат имитирующее импровизацию чтение фрагментов лауреатской речи, подготовленной поэтом для церемонии вручения премии «Дебют» (2002), впоследствии не раз опубликованную, см., например: Стеклянный человек 2006, с. 5–8.

6 Виктор Іванів (05.09.2003). Производственный кадр предоставлен «Пермской синематекой».

7 URL: https://mirmidon.livejournal.com/8059.html.

8 Стеклянный человек 2006, с. 99 (в содержании — с. 97).

ПУБЛИКАЦИИ

Дети Ра 2005 *Іванів В.* Город Затон. История о Третьем Человеке // Дети Ра, № 3(7), 2005: URL: http://www.detira.ru/arhiv/7_2005/ivaniv.htm; републикация — № 4 (191), 2021.

Молодая русская литература 2004 *Іванів В.* Путешествие в город Антон Б., учителя балерин // Vernitskii Literature: Молодая Русская Литература, 2004. URL: http://www.vernitskii.ru (сайт заблокирован, материалы хранятся в файле iv.html 07.04.2010).

ПМВ2 2021 *Іванів В.* Corpora Corporationis, или Путешествие из города Виноград в город Антон. — М.: Коровакниги, 2021. — 128 с. — (Подготовительные материалы к собранию сочинений Виктора Іваніва. Вып. 2).

Стеклянный человек 2006 *Іванів В.* Стеклянный Человек и Зеленая Пластинка: Стихи. М.: Ракета, 2006. — 130 с.

Топос 2005 *Іванів В.* Путешествие в город Антон Б., учителя балерин // Топос. Литературно-философский журнал. 24.07.2005, републикация — 27.02.2015. URL: https://www.topos.ru/article/3183.

Чумной Покемарь 2012 *Іванів В.* Путешествие в город Антон Б., учителя балерин // Іванів В. Чумной Покемарь: Собрание прозы. New York, Ailuros Publishing, 2012. С. 93–155.

ЦИФРОВЫЕ ФАЙЛЫ

1.doc (26.11.2003 13:55–14:58) Содержит стихотворение «Гундосят ли французы...» и заметку «Купание» с авторской датировкой «НСК 27.01.2003 6 ч. 19 мин.» под текстом.

bradis.doc (21.06.2006 22:25) Содержит ранний вариант проекта сборника малой прозы «Таблицы Брадиса», в который вошли версии двух фрагментов «Попугайской царицы».

CHASTE2.doc (24.02.2003 7:22–18:24) Содержит «Часть третью» неизвестного целого под названием «Осип Виссарионович Мендела». Текст воспроизведен в ПМВ2 2021, с. 77–91.

Corpora corporationis.doc (19.01.2003 13:09–30.03.2003 12:18) Содержит промежуточный вариант монтажного прозиметра «Corpora corporationis, или Путешествие из города Виноград в город Антон».

Corpora corporationis.doc (09.02.2003 17:48–10.06.2003 14:40) Содержит окончательный вариант «Corpora corporationis, или Путешествие из города Виноград в город Антон». Текст воспроизведен в ПМВ2 2021.

gorodAnton.doc (06.07.2004 13:22) Содержит повесть «Путешествие в город Антон Б., учителя балерин». Текст воспроизведен в Топос 2005.

gorodzaton.doc (28.10.2004 23:25–13.12.2004 14:31) Содержит повесть «Город Затон». Воспроизведен в Дети Ра 2005.

Java friend of mine.doc (27.08.2003 02:26) Содержит семь абзацев, посвященных господину Яве.

kritika.doc (30.04.2010 13:30) Содержит подборку «Критика, фрагменты, заметки, интервью», в которой под названием «Фрагменты к повести «Город Затон»» помещен текст второй редакции «Попугайской царицы». Копия в одноименном файле (14.06.2011 20:34) и файле *tom5.doc* (14.06.2011 20:46), содержащем 5 том («Критика, эссеистика, публицистика, маргиналии») проекта «Собрание сочинений в 5 томах».

popugajskaja.doc (03.11.2003 0:48) Содержит текст первой редакции «Попугайской царицы».

POUGAJ.txt (03.11.2003 0:49) Содержит текст первой редакции «Попугайской царицы».

putesh.doc (хронометрия файлов искажена, датируются

по письмам С. Соколовскому 14.01.2004 и 07.03.2004) Содержат повесть «Путешествие в город Антон Б., учителя балерин» с незначительными разночтениями, не касающимися текста «Попугайской царицы». Текст мартовского файла воспроизведен в Молодая русская литература 2004.

vittek.txt (10.01.2004 15:31) Содержит скопированные фрагменты электронных писем Іваніва Дине Гатиной, в составе которых пять стихотворений, воспроизведенных в настоящем издании.

Виктор Іванів
Попугайская царица

Корректура *Сергей Лебедев*
Верстка *Кирилл Благодатских*
Издательство *«Коровакниги», facebook.com/cowbooks*
Книготорг *«Медленные книги», slowbooks.ru*
Тираж *200 копий*
Печать *типография «Радуга», raduga-print.ru*